

ПОЛИТИКА

Л.И.Никовская

ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ КОНФЛИКТА

Многочисленные общественно-политические и академические дискуссии последних лет указывают на потребность в критическом переосмыслении результатов общественно-политической трансформации в России. И содержательно они стягиваются к нескольким узловым вопросам – не упустило ли российское общество возможность сделать свой выбор, «ибо опыт последних 10–15 лет свидетельствует о том, что если радикальный политический выбор не воплощается в течение какого-то ограниченного времени, «окно» демократических возможностей закрывается, и начинается стабилизация нового варианта авторитаризма... В этом смысле «отложенный» выбор может легко оказаться «отмененным»¹. Вот почему «вместо современных организаций и институтов гражданского общества у нас постоянно воссоздается что угодно – кланы, касты, системы вассалитета и клиентелизма»². Вот почему «демократический прорыв не дал ожидаемых результатов, хотя и вызвал к жизни глубокие изменения общественных отношений. В силу каких причин наследниками и душеприказчиками демократов первой волны оказались люди, не имеющие ничего общего с идеалами демократии и справедливости, с устремлениями к свободе, одушевляющими первое поколение борцов? На какие непреодолимые препятствия натолкнулась демократия в России, разбившая тесные рамки коммунистического режима?»³

Ряд исследователей достаточно точно указали на противоречивую природу трансформационных процессов, предлагая обозначить их как *антиномичность* российского общества, внутри которого складывается такой тип противоречий, где каждая из противоположностей имеет одинаково прочные базовые основания в реальности⁴. Противоречия-антиномии ведут к возникновению дилемм, не поддающихся снятию в результате единой сделанного выбора. Пока сохраняются глубинные основания контрнаправленных тенденций, антиномичная дилемма вновь воспроизводится, требуя постоянного подтверждения выбора.

И, наконец, получила артикулированное выражение идея, что существование в условиях свободы и демократии должно приучить нас делать выбор *постоянно*, осознавая *неокончателность* этого

¹ Мельвил А.Ю. Так что же случилось с «российским выбором»? – Политические исследования, 2003, № 4, с. 163.

² Куличенко В.А., Куличенко А.В. О духовно-культурных основаниях модернизации России. – Политические исследования, 2003, № 2, с. 151.

³ Пантин И.К. Демократия в России: противоречия и проблемы – Политические исследования, 2003, № 1, с. 136.

⁴ См.: Красин Ю.А. Политическое самоопределение России: проблемы выбора. – Политические исследования, 2003, № 1, с. 124–133.

процесса, «чтобы научиться принимать современный мир, в котором демократия, федерация, гражданское общество и прочие ценности сочетаются со своими альтернативами и образуют антиномичные единства»⁵.

⁵ См.: Ильин М.В. *Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен? – Политические исследования, 2003, № 2, с. 163.*

Таким образом, осталось сделать один шаг до признания того, что конфликтологический подход может быть весьма плодотворен и эвристичен как теоретико-методологическая основа критической рефлексии, позволяющей адекватно реконструировать разнонаправленность процессов трансформации. В частности, теоретически воспроизвести антиномичную суть демократии, соединяющей в себе «единство принципов демократии участия и авторитарного делегирования власти, и гражданского общества – как антиномичного соединения однородного правового пространства с многообразным выражением интересов»⁶.

⁶ Там же, с. 160.

Следовательно, конфликтологический подход к исследованию трансформации вызван к жизни противоречивой природой трансформационных процессов, усилением кризисных явлений и стремлением найти те точки напряжения, в которых собирается энергия изменений и поиска новых альтернатив выхода из сложившейся ситуации. Это подтверждает вывод о том, что конфликт как особый тип социального взаимодействия изначально встроен в социальные и политические процессы, выступая фактором социальной динамики и активного самоопределения действующих социально-политических субъектов.

Конфликтологическая парадигма, снимающая в своем содержании противоположность принципов конфликта и равновесия, таким образом, указывает как на гносеологические, так и на технологические средства воспроизводства и поддержания динамического равновесия общества, позволяя общественным процессам оставаться контролируемыми и «укрошенными», чтобы блокировать их перерастание в революцию или гражданскую войну.

Основные постулаты конфликтологического подхода состоят в следующем:

- конфликт – норма отношений между людьми, своего рода клеточка социальной жизни, в которой наиболее отчетливо проявляется социальная напряженность, где накапливается энергия деятельности социально-политического субъекта, порождающая социальные изменения и сдвиги разного масштаба;
- постоянство присутствия конфликта в социальной жизни и наличие возможности позитивного воздействия на него в любых, даже самых сложных ситуациях;
- отказ от идеи подавления конфликта. В той мере, в какой социальные конфликты пытаются подавить, возрастает их потенциальная злокачественность, и тогда взрыв предельно насильственных конфликтов является лишь вопросом времени. На протяжении всей истории человечества революции предостав-

ляют горькие доказательства этого тезиса. Метод подавления конфликта является неэффективным способом обращения с социальным конфликтом;

- идея регулирования социальных конфликтов предполагает создание условий для такого контроля над конфликтом, который максимально способствует выявлению конструктивного потенциала конфликтности и не отрицает возможности длительного существования противоречий интересов и конфликтных групп.

Суммируя коротко, можно сказать, что конфликтологическая парадигма мировосприятия выделяет момент позитивно-функционального обращения с конфликтами и вскрывает те условия, которые способствуют этому обстоятельству, и, соответственно, призывает воспринимать разнообразие интересов и позиций взаимодействующих субъектов как основу для социальной инновации и укрепления жизнеспособности действующих норм и институтов. «Учет разнообразия – это сегодня ресурс преобразований. Он уменьшает напряженность и социальные затраты, создает богатую самостоятельную жизнь в интегрированном целом. Россия всегда была разной. Она и в будущем останется разной – различными мирами в общем российском мире. А это невозможно без всестороннего развития демократии, без создания и, главное, опробования новых институтов и новых стратегий. Новую Россию нельзя построить только силами демократически-либеральных элементов – буржуазии и либеральных слоев интеллигенции, не привлекая к решению этой задачи иные, оппозиционные нынешнему курсу, но массовые слои»⁷.

Анализ динамических процессов трансформации невозможен на основе только рядоположенных отдельных конфликтов, разворачивающихся в той или иной сферах общества. В современных условиях одной из наиболее приоритетных задач выступает необходимость изучения процессов *взаимовлияния, взаимопереплетения* различных социальных конфликтов, которые в совокупности образуют так называемый *сложносоставной конфликт*, обладающий собственной логикой развития и требующий более серьезных диагностических и технологических усилий для введения его в конструктивное русло урегулирования. Возможно, недопонимание этого факта, отсутствие адекватных познавательных и управленческих средств «препарирования» этой комплексной конфликтности и снижают ожидаемый эффект от демократических преобразований, закрывая, так называемое, «окно возможностей» для реализации новых качественных возможностей, заложенных в тенденциях перехода к более современному обществу.

Типологический анализ моделей конфликта, построенный по принципу выделения социально-политических субъектов на макроуровне, деятельность которых оказывает значительное влияние на социально-политические процессы трансформации общества, пока-

⁷ Паитин И.К. Демократия в России: противоречия и проблемы. – Политические исследования, 2003, № 1, с. 148.

зывает преобладание в современной России классовых и элитистских моделей конфликта. Это указывает на доминирование вертикальных связей, наличие высокой степени отчуждения населения от власти и центров принятия политических решений. Групповая модель, связанная с успешным развитием гражданского общества, плюрализмом групповых интересов и гражданских инициатив, пока только пробивает себе дорогу на просторах нашей политической действительности. Свидетельством этому является появление концепции межсекторного социального партнерства, которая постепенно утверждается в нашей общественно-политической практике и общественной мысли. Она служит интегральной технологией баланса интересов различных социальных сил общества – государства, бизнеса и некоммерческого («третьего») сектора. На Западе эта концепция утвердилась после окончания неоконсервативных революций, в 1970-х гг., что подтвердило факт усложнения и плюрализации социальной и политической структур западного общества. У нас – только обозначен переход от тред-юнионистской модели партнерства, разрешающей классовый конфликт, к межсекторной. Но именно дальнейшее развитие этой модели может принести немало плодотворных идей и фактов, поскольку нарастание социального, политического, социокультурного многообразия происходит в России стремительными темпами. Это не мешает сосуществованию и эффективному взаимодействию с классовыми и элитистскими моделями анализа конфликтных процессов, порождая феномен мультипарадигмальности исследования субъектных преобразований.

Особое внимание, думается, должно быть уделено анализу политических конфликтов, поскольку политические факторы комплексной конфликтности процессов трансформации в динамической модели сложносоставного конфликта играют определяющую роль, предполагая политическую форму регулирования всего возможного множества возникающих конфликтов. Это и понятно: в условиях перехода к демократии, когда противостояние тоталитаризма и демократии растягивается в длительный процесс, политическое самоопределение по важнейшим ключевым вопросам организации общественной жизни носит, прежде всего, политический характер (форма устройства власти, модель ее институционализации, система национальных приоритетов, обеспечивающих вхождение в новые условия миропорядка, проблемы экономической политики и т. д.). Словом, новая идентификация и самоидентификация расположены в политической системе координат. Однако именно фактор комплексности сложносоставного конфликта продемонстрировал влияние социокультурных, экономических, социальных и пр. конфликтных процессов, иначе наполняющих соответствующим содержанием предметность политических конфликтов, существенно противопоставляя понятие демократии и демократических ценностей в «российском измерении» западным стандартам.

Анализ проявления политической конфликтности в современном российском обществе подтверждает гипотезу о формировании предпосылок конфликта между монополизирующей политической властью и плюрализмом гражданских интересов, за которыми стоят общественно-политические группы гражданского общества, вызванные к жизни ходом демократических преобразований политической сферы. Причины этого противостояния лежат в социальных и экономических особенностях политической трансформации, а также в специфике политической культуры. Это превращает авторитарный синдром не столько в социально-психологическую характеристику состояния общественного сознания, сколько во вполне объективную комбинацию факторов. Глубина структурных преобразований, принимающих в России форму сопоставимую с революцией, указывает на сложность, неоднозначность, неопределенность результатов, «размытость» или сложную комбинацию различных субъектов, не совпадающих по своим статусным и позиционным возможностям и, самое главное, слабую степень управляемости конфликтных процессов, сопровождающих процесс трансформации российского общества. В этих условиях политический процесс в большей степени предопределяется активностью бюрократического аппарата и ограниченного круга политических лиц. Номенклатурное «начало» исказило контуры формирующейся демократической власти. Отсекая «низовое» демократическое движение, оно смогло стать основой политической власти и постепенно привести ее к авторитарной реконверсии. Таким образом, процесс политической трансформации в России объективно попал в «ловушку» противоречия, которое можно сформулировать как *противоборство между тенденцией к стабилизации, равновесию и дальнейшему изменению, преобразованию*. В рамках этого противоречия и разворачивается нынешнее взаимодействие государства и гражданского общества. Весь вопрос в том, какие социально-политические силы субъективируют это противоречие. Консервативно настроенная часть элиты, используя мобилизационный потенциал института «партии власти», формирует бюрократическую стабилизацию под жестким контролем административных структур, с опорой на патрон-клиентелистские отношения, с большой примесью внеправовых практик и отношений. Социально-политический контекст проявления *цивилизованной конфликтности* явно сужается. Стремление к преодолению «проблемности» и противоречивости трансформационных процессов на стадии стабилизации ведет к элиминации конфликта как элемента социальной динамики из общественных отношений. «Снятие» стихийности существования и проявления многообразия интересов под эгидой административно-бюрократического единообразия свидетельствует о переходе к безальтернативному существованию, ибо «традиционные вертикальные связи обеспечивают минимально необходимое функцио-

нальное единство отечественного социума, но они же препятствуют развитию отношений горизонтального типа, подрывают жизнеспособность страны, все сильнее вовлекаемой в процесс глобализации. Нынешний социально-экономический курс, стимулируя адаптацию инволюционного типа, не столько модернизирует общество и механизмы его воспроизводства, сколько консервирует традиционализм и олицетворяющие его социально-институциональные связи⁸.

Поиск альтернатив этой ситуации большинством исследователей видится в выявлении иных центров влияния на трансформационное поле. И этот центр обнаруживают в структурах гражданского общества, в реанимации процессов самоорганизации и самостоятельности общества. Ведь чем более аморфным и несамостоятельным было общество, тем большее число организационных и трансформационных задач ложилось на государство. Такое общество не только не в состоянии было осуществлять контроль над государством, но и не могло обеспечивать ему сколько-нибудь эффективную обратную связь. Между государством и обществом не возникало динамического равновесия и эффективных институциональных каналов взаимодействия, которые позволяли бы своевременно решать возникавшие противоречия как внутри государства и общества, так и между ними. В итоге российское государство стало обладать очень *слабой внутренней трансформационной способностью* и периодически разрушалось под гнетом собственного всемогущества и одновременно бессилия. Реформы путинских лет воспроизводят традиционный для России тип взаимоотношений власти и общества и, соответственно, имманентную ему нестабильность всего механизма общественно-политического воспроизводства⁹. Таким образом, **непременным условием движения вперед становится постоянный диалог общества и государства, социума и власти, раскрепощение личности и гражданской самоорганизации общества.** Трансформация может стать успешной лишь при наличии двух общенациональных институтов, которым под силу направить этот процесс в безопасное для общества русло. Речь идет, с одной стороны, об «эффективном государственном аппарате, строящемся на принципах профессионализма, идеологической нейтральности, понимания реформируемого социума как системной целостности (любые изменения должны соотноситься с интересами значимых сил данного макрообразованья). С другой стороны, о политической партии, представляющей широкий набор общественных сил, обладающих определенным набором общих интересов и готовых совместно работать над модернизационным проектом»¹⁰. Только этот вариант исключит логически вытекающую из насильственного навязывания «сверху» десинхронизацию общества и власти, элиты и народа, которые вели к масштабным социальным конфликтам.

В этой связи нельзя сбрасывать со счета и доктринальные источники конфликтности политической системы, связанные с неудач-

⁸ Володин А.Г. *Россия: трудности межстадиального перехода или кризис цивилизации. – Политические исследования, 2003, № 5, с. 138.*

⁹ См.: *Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации. М., 2003, с. 15–63.*

¹⁰ Володин А.Г. *Россия: трудности межстадиального перехода или кризис цивилизации. – Политические исследования, 2003, № 5, с. 144.*

ным «пересаживанием» на российскую почву праволиберальной версии либерализма, и трудности, вызванные неблагоприятным международным контекстом, связанным с усилением противоречий глобализации и тем кризисом, который в этих условиях переживает принцип демократии. В этих условиях, в целях «сглаживания» остроты кризисных противоречий *современный российский политический режим, очевидно, лавирует между силами старого порядка, жаждущими реванша, и силами, выступающими за модернизацию по либеральному образцу.* Начавшаяся фактическая перестройка основного законодательства и высших институтов власти идут в том же направлении. *Цель задуманных преобразований очевидна: найти приемлемый исторический синтез старого и нового, революции и контрреволюции, модернизации и консерватизма. Схема реализации этой цели – создание национального авторитарного государства, новой политической элиты, ориентированной на интересы власти.*

Самые большие трудности и часто неудачи преследуют российскую трансформацию в области этно-национальных конфликтов. Присутствие этнической составляющей в любом ином конфликте «утяжеляет» его течение и часто переводит в «тлеющее» состояние. Ошибки в этой сфере чреваты самыми трагическими последствиями. Социально-политическое «раскрепощение», вызванное процессами структурных перемен, предоставили большие возможности многим этническим общностям для радикального изменения своего социально-политического статуса в системе межэтнических отношений, для нового перераспределения политико-властных полномочий. Именно это обострило взаимодействие политических, административно-государственных компонент сложно-составного конфликта с этно-национальными конфликтами. Романтические иллюзии относительно того, что этно-национальные конфликты можно легко и быстро разрешить, ушли в прошлое. Внимательное исследование и экспертиза состояния этно-национальной конфликтности в процессах трансформации любого общества – задача первостепенной важности.

Многие особенности комплексной конфликтности, проявившиеся в ходе общественно-политической трансформации в России, получили зеркальное отражение в региональном измерении. Но конфигурация сложносоставной конфликтности в каждом регионе своя, как и точки прорыва и социальной инновации.

Характер взаимодействия гражданского общества с государством сегодня является ключевым фактором, определяющим судьбу демократии в России, поскольку гражданское общество, активизация его инициативных сил рассматривается как противовес против выхолащивания и разложения демократических политических институтов, как источник их обновления¹¹. Но в осмыслении проблематики взаимодействия двух этих субъектов политического процесса

¹¹ Giddens A. *The Third Way*. Cambridge, 1998. p. 78.

наметились определенные сложности. Связаны они с необходимостью пересмотра прежних однозначных толкований роли гражданского общества в процессах демократизации и исследовании не только «вклада», который оно вносит в становление демократии, но и тех противоречий и напряженностей, которые оно создает¹². Применение парадигмальных возможностей теории конфликта к исследованию взаимодействия государства и гражданского общества позволяет вскрыть противоречивые основы этого процесса, которые изначально предполагают наличие «дремлющего» конфликта, обозначенного как *феномен протоконфликта*. Этот имманентно присутствующий тип конфликта является необходимым условием для обеспечения реальной возможности граждан и их объединений **контролировать** действия правящей государственной элиты и **влиять** посредством своей гражданской экспертизы на функционирование государственной вертикали власти. Эта внутренняя конфликтность «встроена» в качестве генеральной социально-конструктивной силы всей общественной жизни. С ее помощью блокируется стремление государства (а точнее – сил, которые монополизируют государство) свести многомерность и поливариантность целостного социума к одному – политическому – измерению, уничтожить разнообразие социальных структур и институтов, деперсонализировать личность.

Современные тенденции структурирования элементов гражданского общества, связанные с появлением новых общественных движений, основу которых составляют организации, так называемого, «третьего сектора», базирующихся на постматериальных ценностях, сетевом принципе организации, тяготении к прямым формам демократии, внесли некоторые сомнения в дееспособности современного гражданского общества влиять на политические процессы. Однако многочисленные зарубежные исследователи внимательно следят за развитием форм добровольчества и других нетрадиционных видов социальной активности, существующих на почве коммунитаристских движений. Именно на Западе стала активно развиваться концепция социального партнерства в области общественных отношений как новой технологии взаимодействия трех самостоятельных сил общества – государства, бизнеса и некоммерческого сектора для сложения и взаимоусиления ресурсов и совместных усилий в решении социально-значимых проблем общества. Более того, в этой связке неправительственные организации (ННКО) стали выполнять функции *организатора диалога* в социуме, *инструмента и индикатора* взаимодействия государства и общества. В 1990-е гг. неправительственный сектор сделал рывок в сторону повышения участия граждан в принятии политических решений (экологическая политика, политика в отношении женщин и семьи, безопасность граждан, проблемы меньшинств и пр.), оказывая реальное влияние на формирование общественного мнения.

¹² Вайтштейн Г.И. Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций. – Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна, 2001, с. 136–172.

В России некоммерческий сектор, объединяя социально-инновационные силы общества, превратился в самый динамичный сегмент гражданского общества и стал инициатором выстраивания новой системы функционального представительства интересов в системе государственного управления, основанного на концепции политических сетей.

Эмпирические исследования развития межсекторного партнерства в России показывают, что оно может стать мощным генератором социальных и политических инноваций, механизмом социального контракта, позволяющего *выявлять, кристаллизовать и продвигать различного рода продуктивные социальные интересы*, которые в свою очередь, приводят к структурированию социальных субъектов, приучающихся цивилизованно выстраивать социальные и политические отношения, основанные на поиске *«зон согласия» и выгоды*. На Западе этот феномен породил поиски обновления системы «обратных связей» на базе идеи «рефлексирующей демократии», де-либеративной модели демократии и т. д. Под нажимом «снизу» делаются попытки некоторой модернизации партийно-парламентской сферы. В России – в рамках системы государственного и муниципального управления – процесс «усвоения» этой новой общественной силы идет быстрее на региональном и местном уровне, чем на федеральном. Найдутся ли в нашей стране политические силы, способные задействовать и активизировать наличные возможности общественной самодеятельности, уловить и использовать новейшие тенденции в развитии политических институтов? Этот вопрос пока остается открытым.

Таким образом, мы видим, как разнонаправленно и амбивалентно выстраивают свои взаимоотношения современные представители гражданского общества с традиционными политическими структурами, институтами государственного управления. Именно через их активное самоопределение идет субъективация многих сложносоставных конфликтов общественно-политической трансформации. И от способности и умения этих субъектов оптимально и эффективно выстраивать отношения в политическом поле во многом будет зависеть, какие тренды и тенденции возобладают в многоуровневом и многослойном процессе политической трансформации. Особую роль в этом процессе призвана сыграть публичная сфера и институты связей с общественностью.

Суммируя, можно предположить, что для политической системы и государственного управления России центральной проблемой является *демократизация, позволяющая выстраивать на принципиально иной основе отношения между государством и гражданами, их объединениями*. Именно укрепление институтов публичной сферы и публичной политики позволят сформировать такую стратегию общественного развития, в которой начала стихийности (самодеятельности, спонтанности) и сознательности не только бы дополняли, но и

усиливали друг друга. Цивилизованно преодолеть антиномичность в России невозможно без наличия системы институтов, способных видеть наше общество не только «сверху» или «снизу», но и «в целом», в «единстве его многообразия». Следовательно, демократизация, публичные институты имманентно включают алфавит конфликтологического подхода, исключающего абсолютизацию противоположных интересов и разнонаправленных тенденций, создающего иммунитет от соблазна их «окончательного» и революционного «снятия». А, значит, нам предстоит научиться жить и работать в условиях постоянно воспроизводимых антиномий и, используя позитивно-функциональный потенциал конфликтности, превращать свой постоянный сознательный выбор в источник укрепления жизнеспособности общества.